

ценностные стереотипы, формирующие нравственный идеал, на который ориентировано повседневное и социальное поведение людей.

Библиография

Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое самосознание и миграционное поведение // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 3. С. 60–73.

С.В. Дмитриев

«ЧУЖОЙ» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ XIX В.)

Проблема «свой-чужой» является одной из ключевых в философии, социологии, психологии, истории. Нередко она рассматривается и этнологами. Вместе с тем ряд исследователей нередко говорит о недостаточной теоретической разработанности самой этой темы, непродуманности методики ее изучения, круга относящихся к ней вопросов и приемов анализа источников. К этому можно также добавить и нередкую недостаточную фактологическую базу конкретного исследования взаимоотношений «свой-чужой» в том или ином регионе. В статье я рассматриваю два варианта таких взаимоотношений на примере отношения местного среднеазиатского населения к русским. С одной стороны, они достаточно универсальны, с другой — несомненно, имеют и некоторую специфику в Среднеазиатском регионе. Кроме того, в статье предлагается рассмотреть динамику этих отношений, т.е. изменение образа и статуса русского человека в процессе продвижения России в Азию в XIX в. При этом я не буду придерживаться хронологического принципа, а рассмотрю динамику типологически, как бы в обратном хронологическом порядке, так как для рассмотрения привлекается материал по народам, в разное время вступившим в тесное общение с русскими.

Культурологи и политологи, как правило, рассматривают образ «чужого» вкупе с образом «врага», который, без сомнения, является семантическим производным от первого, однако в этом случае тушует-

ся, а то и просто игнорируется, другое, более мягкое семантическое производное, а именно — «другой». Между тем развитие семантики этих образов в ту или иную сторону зависит прежде всего от конкретно-исторических обстоятельств. В нашем случае, имея в виду взаимоотношения русских с народами, населяющими Среднюю Азию, отношение к ним со стороны этого населения, по моему мнению, прошло несколько этапов.

Исторически в первоначальном варианте в этих отношениях отсутствовал образ «врага», так как для его формирования необходим конфликт интересов, которого до определенного времени не было, так как эти политические субъекты не имели общих границ, между ними лежали бескрайние степи и пустыни, населенные достаточно агрессивными для обеих сторон кочевниками. Несмотря на сложность передвижения по этим территориям, общение, нерегулярное в своей основе, поддерживалось торговыми караванами и достаточно редкими дипломатическими миссиями, что создавало оттенок равноправного общения. В этот период «чужой» более выражался в образе «другого».

Обстановка изменилась, когда Россия предприняла агрессивные шаги в сторону азиатских государств. В этот период как со стороны России, так и в особенности со стороны азиатских обществ по отношению к «чужим» — русским — на первый план выдвинулся образ «врага», для которого, как отмечают исследователи, нередко характерна демонизация оппонента. Эти враждебные образы мы и рассмотрим в прилагаемых ниже примерах.

Специфика новых отношений состояла в том, что местное население общалось в этом случае преимущественно с солдатами, и именно через этот образ во многом воспринимало русских вообще. Так, когда Россия в 1830-е гг. вела войну с Персией, согласно замечкам российского военного и дипломата, представителя при персидском дворе И.Ф. Бларамберга, курды, входившие в состав персидского войска, обнаружив убитых русских солдат, не рисковали к ним прикоснуться, прежде чем вымоют, т.е. намочат им руки водой, так как у них бытовало представление, будто у русского солдата в каждом пальце сидит патрон, который может выстрелить, что, вероятно, было связано с относительной быстротой стрельбы русских по сравнению с персидскими и курдскими стрелками (Бларамберг 1978: 153). Мифологизирован образ русского солдата, по сведениям И.Ф. Бларамберга, был и у афганцев, которые считали его самым храбрым в мире, полагая, что те во время походов едят камни, которые носят за спиной в мешке. По мнению И.Ф. Бларамберга, «эта легенда возникла, вероятно, на основе того факта, что русский солдат в походе, особенно в Азии, носит с собой ржаные сухари, твердые как камень, но чрезвычайно питательные» (Там же).

Когда началось продвижение российских войск в Среднюю Азию, в Чимкенте и Ташкенте распространились слухи, которые считались

тогда вполне достоверными, что русские вообще не похожи на обычных людей; что у них есть лишь по одному глазу, который помещается посредине лба; что у них есть хвосты, как у собак; что они необычно свирепы, кровожадны и употребляют в пищу человеческое мясо (Наливкин 1913: 62). Последнее утверждение было распространено чрезвычайно широко (Липский 1902: 114).

В Бухаре тогда же ходили слухи, что «у русских обыкновение, закон <...> отнимать чужих жен и красть детей» (Акрамов 1974: 39). Во время Кульджинского похода 1871 г. местное сартовское и китайское население считало, что русские будут их «мучить, ломать пальцы, резать уши, нос». В результате некоторые напуганные жители, стремясь этого избежать, решали разом покончить с собой. Анастасия Копцева, которая в этом походе была сестрой милосердия, в своих воспоминаниях описывает случаи самоубийств на этой почве женщин, перерезавших горла как себе, так и своим детям, дабы не попасть в руки русских солдат (Копцева 1873: 63).

После занятия русскими войсками Мерва среди персов были широко распространены слухи о том, что оттуда, согласно их обычаю, было вывезено в Россию восемь тысяч женщин. Как полагало местное население, это совершалось русскими во всех вновь покоренных городах; вывезенных женщин они поселяли в особые обособленно расположенных городах. Ежегодно туда не несколько суток вводились войска, и все родившиеся через год мальчики поступали в армию, а девочки оставались для увеличения населения этих городов (Стрельбицкий 1892: 160).

Фиксируемая нами демонизация образа агрессивного чужака в ходе российского завоевания азиатских территорий, объясняется тем, русские до того были плохо известны местному населению, появились относительно внезапно и сразу максимально агрессивно. В результате их появления в регионе резко разрушился давно сложившийся миропорядок. В этом устоявшемся мире русские в последующее время представлялись необычной силовой единицей, определявшей его дальнейшую судьбу.

Однако завоевание произошло, и с этим фактом местному населению необходимо было считаться. В результате более близкого общения и изменения ситуации фантастические представления о русских довольно быстро ушли, статус их как «врагов» заглушался, и произошла адаптация их в традиционные религиозно-социологические структуры, в которых они заняли свою определенную нишу. Сила русских и ее значение для стабильности региона, о которой мы упоминали выше, распространилась и в область сакрального порядка. В отношении этой модели восприятия русских как «чужих» мне более известен материал по кочевым народам, который я и приведу далее.

В степи, которая гораздо раньше вступила в тесные отношения с русскими, уже с давних пор широко бытовали представления, распро-

странявшиеся как на чужаков вообще, так и на русских в частности, об определенной сакральной их силе, нередко вредоносной, но часто и позитивной. Например, широко было распространено представление о том, что какой-либо продукт, например кумыс, мог быть испорчен, если сосуд с ним осквернил своим прикосновением чужой (Галданова 1992: 78). Но в то же время, по наблюдениям Саввы Большого, находившегося в плену у казахов в 1803–1804 гг., все русские считались хорошими лекарями. Кроме того, каждый из них, по представлениям казахов, был в состоянии «произвести самые сверхъестественные человеку деяния, как, например, учинить безвременно повсеместно стужу, теплый день сделать, возбудить страшную бурю, пролить дождь, навестить и отвести громовую тучу и прочь» (Савва Большой 1822: 297). По материалам, изложенным Ч.Ч. Валихановым, волосы русского человека казахи употребляли как средство для изгнания болезни (Валиханов 1961: 486). Другой наблюдатель пишет, что у плененного русского офицера жена султана Кенисары, будучи беременной, также просила его волосы с головы, полагая их за сильный оберег в критические минуты, в частности разрешения от бремени, когда роженице могут навредить злые духи (У-р 1848: 212).

В казахской быличке говорится, что *пери* боятся русских и убегают от них. В том месте, где есть дух русского, *пери* не могут находиться. Именно поэтому казахские женщины, чтобы избавиться от *пери*, носят при себе волосы русских (Мирописев 1888: 42).

Не только волосы или другие предметы, связанные с русским, имеют чудодейственную силу, как не только русские считались такого рода целителями и охранителями. Отличным средством от ревматизма у казахов считалось также конское копыто, привязанное на больное место киргизом, также «чужим» по отношению к казахам (Валиханов 1961: 475) и т.д. Необходимо отметить, что теми же сакральными свойствами, по мнению обитателей степей, обладали также султаны, т.е. люди «белой кости», происходившие от Чингис-хана. Ч.Ч. Валиханов описывает случай, который произошел с ним во время его поездки на Иссык-Куль в 1856 г. Как он пишет, «киргизы обратились к нему, чтобы он, как человек белой кости, выгнал из одержимой джинов. Для этого он должен был бить плетью ее тело. Отказ это сделать был расценен как проявление жестокости, так как мог одним ударом это сделать, но не делал» (Валиханов 1961: 259–260). В данном случае можно отметить, что султан рассматривался не просто как «чужой», а как представитель царственного рода. Такой же силой, по преданиям народов Средней Азии и Казахстана, обладали потомки пророка Мухаммеда, другие представители овладских групп, святые и их потомки и некоторые другие группы населения.

А.К. Байбуриным были рассмотрены две типичные схемы в отношениях с «чужим» миром, имея в виду пространственный аспект. Согласно им, существуют два чуждых человеку мира. Один из них лежит

за пределами окультуренной территории, другой располагается в непосредственной близости к человеку. Общение с представителями этих двух миров сопряжено с определенной стратегией, характерной именно для того или другого случая (Байбурин 1993: 183–186). В повседневной жизни человек больше общается с представителями второго, чуждого ему мира. Как правило, это разного рода вредоносные духи. У казахов, как и у других народов региона, это *пери*, *албасты*, *дэвы* и т.д. Для борьбы с ними в обществе существовали особого рода специалисты, *баксы* (шаманы), муллы, другие люди, которые могли их видеть. Интересно, что для борьбы с ними, как мы видим из приводимого материала, привлекаются и «чужие» другого рода, а именно — происходящие из-за пределов окультуренной территории, т.е. русские. Все это свидетельствует о лабильности и подвижности представлений, связанных с чужым в традиционной культуре и их зависимости от конкретно-исторических условий.

Библиография

Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. Фрунзе, 1974.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Бларамберг И. Воспоминания. М., 1978.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. I.

Галданова Г.Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX — первая половина XX в.). Новосибирск, 1992.

Копцева А. Походные записки сестры-милосердия о Кульджинском походе 1871 г. // Туркестанские ведомости. 1873. № 16.

Липский В.И. Горная Бухара: Результаты трех летних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. СПб., 1902. Ч. 1. Гиссарская экспедиция. 1896.

[*Мироппев М.*] Демонологические рассказы киргизов, собранные и переведенные М. Мироппевым. СПб., 1888.

Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

[*Савва Большой*]. Записки доктора Саввы Большого о приключениях его в плену у киргиз-кайсаков в 1803–1804 годах (с замечаниями о киргиз-кайсацкой степи) // Сын Отечества. Ч. 76. № 14.

Стрельбицкий. Краткий предварительный очерк поездки в Персию в 1891 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 51.

Ур, барон. Четыре месяца в Киргизской степи // Отечественные записки. 1848. Ч. III. № 9–10.

но ритм. И в то же время самая требовательная критика не уловит искусственность. На мой взгляд, это есть идеальное воспроизведение народного сказания» [Бекоев 1925:18–19].

Библиография

Бекоев Г.Г. Возникновение Осетинской письменности и ее развитие (Краткий очерк) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Владикавказ, 1925. Т. I.

Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым. Издал А. Шифнер. СПб., 1868. Приложение к XIV тому Записок Императорской Академии наук. Вып. 4.

Список сокращений

НА СОИГСИ — Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.

С.В. Дмитриев

А. Н. ВЫШНЕГОРСКИЙ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Изучением истории и традиционной культуры народов Центральной Азии занимались многие поколения ученых, отечественных и зарубежных. Труды одних из них стали классическими, имена их авторов широко известными. Другие только мелькнули на ниве исследования культуры народов этого обширного региона, оставив небольшие заметки и наблюдения, которые в той или иной степени дополняют общую картину традиционной культуры местного населения.

В 1889 г. вышло в свет знаменитое исследование «Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области», на обложке которого стоит имя тогдашнего военного губернатора Сыр-Дарьинской области генерала Н.И. Гродекова [Гродеков 1889; 2011 (переиздание)]. Это был первый том издания, посвященный в основном обычному праву казахов и киргизов. Основным своим соратником

в деле создания книги Н.И. Гродеков называет А.Н. Вышнегорского. Имя этого человека оказалось практически забытым, сведений о нем в опубликованных источниках чрезвычайно мало [Библиографический словарь... 1989: 69–70]. В этом сообщении я постараюсь в какой-то степени восстановить имя Вышнегорского в истории науки, тем более что в 2013 г. исполняется 160 лет со дня его рождения.

Согласно сведениям, обнаруженным в юбилейном издании Петроградского историко-филологического института, а также в его личном деле, хранящемся в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве [Пятидесятилетие... 1917; РГВИА, ф. 400, оп. 17, ед. хр. 12733], Александр Николаевич Вышнегорский (до принятия в 1874 г. православия — Александр-Бертольд Федорович Швальм, еврейско-лютеранского исповедания; по принятии православия с высочайшего разрешения переименовал фамилию, образовав ее от фамилии матери — Grossberg, и отчества — по имени восприемника) происходил из мещан г. Вейсенштейна (ныне эстонский город Пайде). Родился он 24 августа 1853 г. В 1872 г. с отличием окончил курс Ревельской гимназии и поступил в Историко-филологический институт в Санкт-Петербурге, по окончании которого в 1876 г. получил образование по разряду древних языков со званием учителя гимназии, дающим все права кандидатов университета.

По распоряжению министра народного образования с 1 июля 1876 г. был определен учителем в Ташкентскую мужскую прогимназию, где с разрешения туркестанского генерал-губернатора был назначен классным наставником. В этой должности он прослужил семь лет, исполняя также обязанности члена хозяйственного комитета (с 1879 г.) и секретаря педагогического совета (с 1880 г.). С 9 января 1881 г. — коллежский советник, с 8 декабря 1881 г. — надворный советник со старшинством.

В свободное от основных занятий время Вышнегорский, дипломированный филолог, изучал туземные языки — киргизский, сартовский, персидский, причем с таким успехом, что 10 ноября 1883 г. был назначен преподавателем местных наречий в Туркестанской учительской семинарии. В это время издается «Самоучи-

тель сартовского языка», подготовленный З.А. Алексеевым при участии Вышнегорского [Самоучитель 1884]. Книга была замечена известным российским ориенталистом К.Г. Залеманом, составившим на нее, впрочем, достаточно критическую рецензию [Залеман 1887: 37].

Прослужив в должности преподавателя местных наречий лишь год с небольшим, согласно материалам личного дела, 29 ноября 1884 г. Вышнегорский был уволен по болезни. Пробыл в отставке два года, в январе 1887 г. приказом по административно-полицейскому управлению Сыр-Дарьинской области он был назначен на должность помощника делопроизводителя Сыр-Дарьинского областного правления. С 1 (15) октября того же года Вышнегорский был назначен секретарем Областного статистического комитета с оставлением в занимаемой должности помощника делопроизводителя (1 августа 1889 г. отчислен с должности секретаря стат. комитета). 22 октября того же года уволен в отставку с награждением чином коллежского советника. 27 февраля 1893 г. вновь поступил на службу и был допущен к исправлению должности чиновника для усиления личного состава Главного управления Туркестанского края. 10 сентября 1900 г. уволен со службы с мундиром и пенсией.

Пробыв в отставке более трех лет, с 1 июля 1904 г. был назначен преподавателем английского языка Владивостокской мужской гимназии при Восточном институте, видимо, по протекции Н.И. Гродекова, о чем свидетельствует его письмо к генералу [Ученый архив РГО, ф. 30, оп. 2, № 22, л. 1–2]. С 16 ноября 1906 г. переведен на такую же должность в Троицкосавское реальное училище. Состоя в этой должности, Вышнегорский скончался 5 июля 1910 г.

Знакомство Гродекова с Вышнегорским, как пишет сам генерал, относится к январю 1886 г. Как отмечает Гродеков во вступительной статье своей книги, с первых дней принятия в управление Сыр-Дарьинской области он заметил большой пробел в сведениях по обычному праву местного населения, в частности киргизов и казахов. То, что было опубликовано в этом отношении, мало удовлетворяло практическим требованиям администрации Тур-

кестанского края, в первую очередь вследствие ограниченности собранного материала и совершенной недостаточности его разработки. Между тем реальная жизнь, задачи распространения русского влияния в среде местного населения диктовали свои потребности. При этом было необходимо не только внедрять новое в управлении краем, но и изучать то, что веками было выработано здесь правовой практикой, учитывая как исламские правовые нормы, так и нормы обычного права.

Вышнегорский привлек внимание Гродекова прежде всего хорошим знанием местных языков. Тогда же у генерала возникла мысль предложить ему сбор адатов казахов и киргиз непосредственно в стойбищах. Так как специальной программы для изучения столь деликатного материала в то время еще не было, то для создания руководства по сбору адатов Гродеков обратился к известному знатоку культуры и истории Средней Азии В.П. Наливкину. Тот исполнил просьбу военного губернатора, и в начале 1886 г. Вышнегорский, вооруженный программой для сбора материалов по обычному праву, был послан в уезды, где и записывал адаты «со слов биев и других сведущих лиц». Среди кочевого населения он пробыл семь месяцев, им было собрано такое большое количество материалов, что на их разбор ему потребовалось еще около года.

Содержательные материалы были представлены и другими участниками этого проекта, в числе которых Гродеков называет помощника начальника Казалинского уезда Е.А. Александрова, переводчика Чимкентского уездного управления Кадыра Абсолямова, ряд казахских и киргизских биев и султанов. В результате этой работы был составлен первый том книги «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области», вышедший в свет в 1889 г. под общим авторством Н.И. Гродекова.

За время работы по составлению и обработке материалов для книги «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» и работы в Областном статистическом комитете Вышнегорским было подготовлено несколько статей и заметок по истории и статистике края [Вышнегорский 1888 а, б, в]. Чуть позже было опубликовано несколько его работ по исламу и арабским странам [Вышнегор-

ский 1890; 1891]. Все эти публикации свидетельствуют о высокой квалификации их автора.

В 1891 г. выходит сборник пословиц и поговорок населения Туркестанской области, собранных известным собирателем народного творчества народов Средней Азии и Казахстана Н.П. Остроумовым, в котором автор приносит свою благодарность Вышнегорскому, помогавшему ему в переводе ряда пословиц, а также сообщившего некоторые из них [Остроумов 1891: 5]. При публикации своего труда «Сарты» Н.П. Остроумов также отмечает, что Вышнегорским был вычитан и исправлен первоначальный перевод, сделанный Айдаровым, кокандской сказки «Сова, сын и филин», составленной в сартовских пословицах и поговорках муллой Гульхани в правление Кокандского хана Умара, умершего в 1821 г. [Остроумов 1895; 64, пр. 1]. Судя по изданному тексту, это была высококвалифицированная работа, сделанная с хорошим знанием сартовского языка. Публиковал он небольшие статьи и заметки и позднее [Вышнегорский 1895; 1898].

Некролог А.Н. Вышнегорского был напечатан в Известиях Туркестанского отдела РГО на одной странице с некрологами Н.И. Гродекова и Г. Вамбери [Некролог 1914: 247–248], что весьма символично. Тем самым он был поставлен в один ряд с этими людьми, много сделавшими для изучения культуры народов Центральной Азии.

Библиография

Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. 2-е изд., переработ., подг. А.Н. Кононов. М., 1989.

Вышнегорский А.Н. Предания из калмыцкого времени у современных каракиргиз Аулие-атинского уезда // Тр. Сыр-Дарьинского областного статистического комитета в 1887–1888 гг. Ташкент, 1888 а.

Вышнегорский А.Н. Краткий список населенных мест Туркестанского участка к январю 1888 г. // Тр. Сыр-Дарьинского областного статистического комитета в 1887–1888 гг. Ташкент, 1888.

Вышнегорский А.Н. Ведомость о количестве газет и журналов, полученных в 1887 г. почтовыми учреждениями области // Тр. Сыр-Дарьинского областного статистического комитета в 1887–1888 гг. Ташкент, 1888.

Вышнегорский А.Н. Высшее мусульманское образование в Феце // Странник. 1890. № 3–5.

Вышнегорский А.Н. Географическое описание Аравии. Глава из «Географии» Таквим-аль-больдана (Абульфеды). [Пер. и предисл.] А. Вышнегорского. Казань, 1891 (отт. из: Православный собеседник. 1890. № 1, 1891. № 7, 8).

Вышнегорский А.Н. Татары в Средней Азии // Московские ведомости. 1895. № 327.

Вышнегорский А.Н. Мухаммед и его время // Православный Благовестник. 1898. № 2 и след.

Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889 (переиздание — М., 2011).

Залеман К. [рец. на: Самоучитель сартовского языка. Чтение, письмо и грамматика сартовского языка. Соч. З.А. Алексеева с участием А.Н. Вышнегорского. Ташкент, 1884] // Зап. Вост. отд. ИРАО. 1887. Т. 1.

Некролог // Изв. Туркестанского отдела ИРГО. 1914. Т. 10. Вып. 1.

Остроумов Н. Пословицы и поговорки населения Туркестанского края // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1891.

Остроумов Н. Сарты. Этнографические материалы. Вып. III. Пословицы и загадки сартов. Ташкент, 1895.

Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института. 1867–1917. Биографический словарь лиц, окончивших курс института. Ч. 1. Вып. I–XXIII (1871–1893). Пг., 1917.

Самоучитель сартовского языка. Чтение, письмо и грамматика сартовского языка. Соч. З.А. Алексеева с участием А.Н. Вышнегорского. Ташкент, 1884.

Ю.Г. Попов

А.Ф. ПАЛАШЕНКОВ — СОЗДАТЕЛЬ МУЗЕЯ В КАРАГАНДИНСКОМ ЛАГЕРЕ НКВД СССР

Палашенков Андрей Федорович (1886–1971) — основатель, организатор карлаговского музея в Долинке. Впоследствии он прославился как легендарный руководитель Омского краеведческого музея (1943–1957).

Уроженец Смоленской губернии. Студент Московского археологического института. С 1918 г. трудился на музейной стезе на